

Возвращение — эпизод 10 из 12

Отец начал в темноте одеваться и обуваться. Потом он зажег керосиновую лампу, сел за стол и завел часы на руке.

Четыре часа, сказал он сам себе. Темно еще. Правду говорят, баб много, а жены одной нету.

Стало тихо в доме. Настя ровно дышала во сне на деревянном диване.

Петрушка приткнулся к подушке на теплой печи и забыл, что ему нужно храпеть.

Алеша! добрым голосом сказала мать. Алеша, прости меня!

Петрушка услышал, как отец застонал и как потом хрустнуло стекло; через щели занавески Петрушка видел, что в комнате, где были отец и мать, стало темнее, но огонь еще горел. Он стекло у лампы раздавил, догадался

Петрушка, а стекла нету нигде.

Ты руку себе порезал, сказала мать. У тебя кровь течет, возьми полотенце в комоде.

Замолчи! закричал отец на мать. Я голоса твоего слышать не могу... Буди детей, буди сейчас же!.. Буди, тебе говорят! Я им расскажу, какая у них мать! Пусть они знают!

Настя вскрикнула от испуга и проснулась.

Мама! позвала она. Можно я к тебе?

Настя любила приходить ночью к матери на кровать и греться у нее под одеялом.

Петрушка сел на печи, спустил ноги вниз и сказал всем:

Спать пора! Чего вы разбудили меня? Дня еще нету, темно во дворе! Чего вы шумите и свет зажгли?

Спи, Настя, спи, рано еще, я сейчас сама к тебе приду, ответила мать. И ты, Петрушка, не вставай, не разговаривай больше.

А вы чего говорите? Чего отцу надо? заговорил Петрушка.

А тебе какое дело чего мне надо? отозвался отец. Ишь ты, сержант какой?

А зачем ты стекло у лампы раздавливаешь? Чего ты мать пугаешь? Она и так худая, картошку без масла ест, а масло Настьке отдает.

А ты знаешь, что мать делала тут, чем занималась? жалобным голосом, как маленький, вскричал отец.

Алеша! кротко обратилась Любовь Васильевна к мужу.

Я знаю, я все знаю! говорил Петрушка. Мать по тебе плакала, тебя ждала, а ты приехал, она тоже плачет. Ты не знаешь!

Да ты еще не понимаешь ничего! рассерчал отец. Вот вырос у нас отросток.

Я все дочиста понимаю, отвечал Петрушка с печи. Ты сам не понимаешь. У

нас дело есть, жить надо, а вы ругаетесь, как глупые какие...

Петрушка умолк; он прилег на свою подушку и нечаянно, неслышно заплакал. Большую волю ты дома взял, сказал отец. Да теперь уж все равно, живи здесь за хозяина...

Утерев слезы, Петрушка ответил отцу:

Эх ты, какой отец, чего говоришь, а сам старый и на войне был... Вон пойдя завтра в инвалидную кооперацию, там дядя Харитон за прилавком служит, а он хлеб режет, никого не обвешивает. Он тоже на войне был и домой вернулся. Пойди у него спроси, он всем говорит и смеется, я сам слышал. У него жена Анюта, она на шофера выучилась ездить, хлеб развозит теперь, а сама добрая, хлеб не ворует. Она тоже дружила и в гости ходила, ее угощали там. Этот знакомый ее с орденом был, он без руки и главным служит в магазине, где по единичкам промтовар выбрасывают...

Чего ты городишь там, спи лучше, скоро светать начнет, сказала мать.

А вы мне тоже спать не давали... Светать еще не скоро будет. Этот без руки сдружился с Анютой, стало им хорошо житься. А Харитон на войне жил.

Потом Харитон приехал и стал ругаться с Анютой. Весь день ругается, а ночью вино пьет и закуску ест, а Анюта плачет, не ест ничего. Ругался-ругался, потом устал, не стал Анюту мучить и сказал ей: чего у тебя один безрукий был, ты дура баба, вот у меня без тебя и Глашка была, и Апроська была, и Маруська была, и тезка твоя Нюшка была, и еще на добавок Магдалинка была. А сам смеется. И тетя Анюта смеется, потом она сама хвалилась Харитон ее хороший, лучше нигде нету, он фашистов убивал и от разных женщин ему отбоя нету. Дядя Харитон все нам в лавке рассказывает, когда хлеб поштучно принимает. А теперь они живут смирно, по-хорошему. А дядя Харитон опять смеется, он говорит: Обманул я свою Анюту, никого у меня не было ни Глашки не было, ни Нюшки, ни Апроськи не было и Магдалинка на добавок не было, солдат сын отечества, ему некогда жить по-дурацки, его сердце против неприятеля лежит. Это я нарочно Анюту напугал...